

программ почти не свойственны действия, совершаемые СТС: производство, ввоз и вывоз через таможенную границу.

Считаем, что существующий пробел необходимо восполнить, включив в состав УК РФ статью, криминализирующую оборот программного обеспечения, предназначенного для негласного доступа к компьютерной информации. Отнесение таких средств к числу вредоносных программ считаем нецелесообразным ввиду направленности их на негласное получение информации (а не на несанкционированное уничтожение, блокирование, модификацию, копирование компьютерной информации или нейтрализацию средств ее защиты). Кроме того, программное обеспечение, предназначенное для негласного получения информации, в перечне, утвержденном Правительством Российской Федерации, отнесено к числу СТС. Отнесение их к числу вредоносных программ способно породить коллизии в отечественном законодательстве.

Совокупность полученных в результате сравнительного исследования выводов позволяет предложить меры, которые способны положительно повлиять на решение существующих проблем в правоприменительной деятельности обоих государств и могут быть реализованы в рамках единой уголовной политики Союзного государства.

Список использованных источников

1. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 4 мая 2011 г., № 99-ФЗ : в ред. Федер. закона от 02.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

2. Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации [Электронный ресурс] : утв. решением Коллегии Евразийской экономической комиссии, 21 апр. 2015 г., № 30 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 05.10.2021.

4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : 22 сентября 1994 г., № 1011-XII. – Режим доступа: <http://lex.uz/oloes/111457>. – Дата доступа: 05.10.2021.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 01.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.

6. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс] : 22.07.1992 г. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=25017>. – Дата доступа: 05.10.2021.

Дата поступления в редакцию: 04.10.2021

УДК 343.24

*Е. А. Реутская, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь
e-mail: ellen-britova@rambler.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

На основе анализа существующих в юридической литературе подходов обосновывается необходимость оптимизации системы уголовных наказаний. Особо обращается внимание на обусловленность содержания санкций статей Особенной части уголовного закона видами наказания. Изучение основополагающих идей школ уголовного права позволило предположить, что существующая система наказаний является избыточной, а реальная оценка тяжести карательного воздействия некоторых видов наказания изменилась с течением времени.

Ключевые слова: наказание, система наказаний, школы уголовного права, санкция статьи Особенной части.

*E. A. Reutskaya, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
e-mail: ellen-britova@rambler.ru*

EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PUNISHMENT IN CRIMINAL LAW

Based on the analysis of existing approaches in the legal literature, the necessity of optimization of the system of criminal penalties is substantiated. Special attention to the conditionality of the content of the criminal law sanctions of the types of punishments is paid. The study of the fundamental ideas of criminal law trends allows to make a suggestion that the existing system of punishments is excessive, the real assessment of the severity of the punitive impact of certain types of punishments has changed over time.

Keywords: punishment, system of punishments, criminal law schools, sanctions provided in the articles of the special part of the Criminal Code.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) наряду с таким основным видом наказания, как лишение свободы, существует значительное количество иных наказаний, однако именно лишение свободы является наиболее распространенным. Наказания, связанные с изоляцией от общества, распространены в судебно-следственной практике и составляют около 46 % от общего числа наказаний [12, с. 169]. Помимо наказаний уголовный закон содержит ряд иных мер уголовной ответственности, которые применяются в меньшей степени по сравнению с реальным назначением наказания. На необходимость более широкого применения иных мер уголовной ответственности, а также видов наказания, не связанных с изоляцией от общества, неоднократно указывалось в нормативных правовых актах, в том числе в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, направленной на либерализацию уголовного законодательства.

Ученые в области уголовного права уже озвучивали проблему избыточности видов наказания. Так, В. М. Хомич указывает на необходимость преобразования наказания в виде ограничения свободы в иной вид наказания из числа тех, которые наиболее эффективно применяются на практике (так, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа возможно было бы «реорганизовать в открытую форму отбывания лишения свободы» [11, с. 34], а исправительные работы преобразовать в наказание в виде ограничения свободы с обязательным привлечением к труду [10, с. 10]). Г. А. Василевич, в свою очередь, высказывал мнение о необходимости отказа от ограничения свободы без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа [2, с. 5, 7]. Приведенные точки зрения свидетельствуют как минимум о необходимости изменения подходов к формированию санкции уголовного закона путем исключения из ее конструкции наказаний со сходным карательным потенциалом, как отмечалось выше.

В российской уголовно-правовой литературе также высказывались мнения об избыточности системы наказаний, ее громоздкости и разрозненности, отсутствии практической востребованности отдельных видов наказаний. Полагаем, что проблема дисбаланса санкций статей Особенной части УК, которую мы поднимали ранее в своих публикациях, напрямую связана с несовершенством системы наказаний, т. е. оптимизировать санкции без изменения ст. 48 УК затруднительно. Более того, необходимость пересмотра действующей системы наказаний обусловлена процессами глобализации и поступательным развитием общества, вырабатывающего на каждом этапе определенные закономерности, которые будут положены в основу правового регулирования общественных отношений и, как следствие, повлекут за собой изменение оценки легитимности правовых норм. Законодательная оценка тяжести некоторых видов наказания также меняется с течением времени, в связи с чем исследование исторического развития учения о наказании и санкции уголовно-правовой нормы в различные периоды с учетом особенностей существующих общественных отношений позволит принять во внимание динамический опыт развития законодательной техники в целях совершенствования национального уголовного закона, в частности системы наказаний и системы санкций.

В науке существует большое количество различных подходов к периодизации истории в зависимости от поставленных перед исследователем целей. В уголовно-правовой науке становле-

ние и развитие уголовного права справедливо связывают с деятельностью уголовно-правовых школ или течений – классического, антропологического и социологического. Однако указанное деление не позволяет в полной мере учитывать значимость разработок более ранних исторических периодов, впоследствии послуживших основой для развития воззрений классической школы уголовного права. По нашему мнению, заслуживает внимания позиция Н. Г. Иванова о необходимости дополнения общепринятой триады направлений религиозно-правовыми воззрениями и теорией естественного права [3, с. 84].

Непосредственное исследование влияния идей уголовно-правовых школ на развитие системы наказаний следует начинать с периода религиозно-правовых воззрений. В дописьменных обществах отношения регулировались социальными и религиозными нормами. Право в его традиционном понимании не было выработано ввиду того, что существовавшие в тот период родоплеменные общины самостоятельно поддерживали порядок на основе выработанных с течением времени традиций и религиозных обычаев. Устанавливая запрет на совершение определенных действий, община определяла и содержание последствий, неизбежно наступавших при нарушении обычаев, которые носили абсолютно определенный характер и назывались наказанием. Члены общины полагали, что индивид, совершивший деяние, противоречившее обычаям, осквернял себя, в связи с чем необходимо было подвергнуть нарушителя определенному ритуалу в целях искупления вины. Так, А. Р. Рэдклифф-Браун полагает, что «во многих бесписьменных обществах применение карательных санкций вызывается главным образом... поступками, нарушающими обычаи, которые считаются в сообществе священными, так что сами такие санкции могут рассматриваться как особый вид ритуальных санкций. Ритуальные санкции происходят из веры в то, что некоторые поступки или события делают индивида или группу ритуально нечистыми, или оскверненными, так что требуется некое особое действие, чтобы снять скверну» [7].

В египетской, греческой и последующих цивилизациях, как и в Византийской империи, право наказывать продолжало основываться на божественном велении, основными наказаниями были смертная казнь и штрафы. Впоследствии согласно теории общественного договора общество осознало невозможность дальнейшего поддержания порядка и, как следствие, было создано государство, которому общество передало часть своих прав для осуществления функций по упорядочению общественных отношений. С возникновением государства социальные нормы в форме обычаев, составлявшие основу права, нашли свое закрепление в законе. Законодательное закрепление круга деяний, осуждаемых обществом и признаваемых преступными, породило необходимость выработать то, что явилось бы последствием совершения подобного рода деяний, в том числе в целях ограничения обычая кровной мести. Запреты, устанавливаемые Русской Правдой, древнейшим полностью сохранившимся источником права славянских народов XI в., хотя и не действовавшим на территории современной Республики Беларусь, но оказавшим значительное влияние на последующее формирование законодательства, можно условно называть прообразом, определившим структуру и содержание существующих в настоящее время уголовно-правовых норм.

Конструкции уголовно-правовых норм видоизменялись по мере развития государства и общества. Первоначально бремя выбора вида и размера наказания было смещено с государства на потерпевшего ввиду того, что традиционное деление отраслей права на публичные и частные отсутствовало. Техника построения уголовно-правовых норм заключалась в описании практического опыта. Диспозиции носили подробный казуистический характер, что обусловило точность формулировок наказаний. В феодальный период определять преступность и меру наказуемости общественно опасного деяния начало государство. Приоритетной стала цель защиты прав и интересов высшего сословия – дворянства и духовенства, к которым не применялись многие телесные наказания того времени.

В Средние века постепенное усиление влияния церковной власти на светскую определило систему наказаний в целом. Например, Соборное уложение 1647 г. содержит меры духовного воздействия (покаяние и возвращение в лоно православной церкви). Произошло окончательное оформление устрашения как цели наказания, которое основывалось на велении Бога, путем введения в санкцию элемента публичности наказания, чтобы многие смотрели, и обезображивания преступника. Наблюдается постепенное смещение целей уголовной ответственности и наказания с воздаяния за совершенное преступление к устрашению путем введения на законодатель-

ном уровне разнообразных жестоких телесных наказаний и пыток. По мнению М. Фуко, «тот факт, что преступник стонет и кричит под ударами, – не постыдный побочный эффект, он есть сам церемониал правосудия, выражающего себя во всей своей силе... Наказание, поскольку оно должно выставлять преступление во всей его опасности на всеобщее обозрение, должно брать на себя ответственность за зверство... воспроизводить его в церемониях, обращающих зверство на тело преступника в виде унижения и страдания» [9, с. 30–31].

Впоследствии, с дальнейшим развитием общественных отношений, развитие получила теория естественного права. Н. Г. Иванов полагает, что учение о естественном праве состоит из трех основных систем идей: божественного мирового порядка, вытекающего из течения религиозно-правовых воззрений, естественного антропологического права, ставящего во главу мироздания человеческую сущность со всеми ее природными особенностями, и рационального естественного права [3, с. 89–91]. В дальнейшем теория естественного права нашла свое выражение в теории справедливости Дж. Ролза, в основу которой были положены воззрения теории общественного договора Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, как утверждает сам автор. По мнению Дж. Ролза, любой человек поступает справедливо и играет свою роль в поддержании справедливых институтов [6, с. 23] посредством равенства. Равенство в первоначальном положении, по Дж. Ролзу, относится прежде всего к равной свободе, в том числе к равенству процедурных прав и равенству как источнику обоснованных претензий на общественные ресурсы. В качестве основного вида справедливости в работе Дж. Ролза фигурирует честность, начинающаяся с выбора, который люди могут сделать вместе, а именно с выбора первых принципов концепции справедливости, которые должны регулировать критику и реформирование институтов, после чего они выбирают конституцию и законодательную власть для проведения в жизнь законов в соответствии с принципами справедливости, которые приняли вначале [6, с. 27]. Справедливость как честность, по мнению Дж. Ролза, и есть пример договорной теории [6, с. 29]. Дж. Ролз обосновывает необходимость государственного принуждения даже во вполне упорядоченном обществе для стабилизации социальной кооперации. Ведь даже при наличии идеального уровня правосознания трудно представить отлаженно работающую схему подоходного налога, основанную на добровольном согласии, когда люди не могут быть полностью уверены друг в друге относительно соблюдения доли своих обязанностей. Применяя публичную систему наказаний, правительство устраняет основания для предположения о том, что другие не подчиняются правилам [6, с. 214]. Соглашаясь с изложенной Дж. Ролзом позицией, отметим, что при осуществлении законопроектной деятельности следует не только принимать во внимание сам принцип справедливости, но и учитывать те ценности, которые положены в основу самой конституции (например, в преамбуле Конституции Республики Беларусь закреплена приверженность белорусского народа общечеловеческим ценностям, а далее, в ст. 2, содержится положение о том, что человек, его права и свободы признаются высшей ценностью и целью общества и государства). Сам Дж. Ролз утверждает, что справедливыми являются законы, принятые с учетом конкретной социальной теории, которая преобладает в конкретном государстве [6, с. 177–180].

Вслед за теорией естественного права развитие получили просветительно-гуманистические идеи, послужившие основанием для последующего формирования идей классической школы уголовного права. Так, Ш. Л. Монтескье помимо теории разделения властей выступал за установление соразмерного преступлению наказания, а также за смягчение наказаний и отказа от телесных наказаний. Вольтер осуждал жестокость католической церкви, предлагая установить соответствие между тяжестью совершенного преступления и жестокостью наказания. В литературе основоположником классического течения считается Ч. Беккариа, который полагал, что «никакой судья не может, не нарушая справедливости, устанавливать наказания для других членов общества» [1, с. 91]. Кроме того, указанный ученый полагал, что самые жестокие законы издавались в эпохи наиболее ужасных преступлений в целях устрашения общества. Научный интерес представляет категорический императив И. Канта о возможности человека поступать таким образом, чтобы не ограничивать свободу другого человека, а также идеи Ф. Гегеля о восстановлении нарушенных прав как главной цели справедливого наказания.

Исследование уголовно-правовых наказаний XI–XIX вв. позволяет сделать вывод о том, что степень их определенности постоянно видоизменялась: в разные исторические периоды преобладают различные по степени определенности наказания. Первоначальное абсолютно опре-

деленное наказание постепенно замещается абсолютно неопределенным, устрашающим, позорящим наказанием, и только в конце XVIII – начале XIX в. мрачное карательное празднество начинает угасать. По мнению М. Фуко, жестокость и публичность наказания, воздействующего на тело преступника, преследовали не цель возмездия и исправления последнего, а демонстрацию неограниченной власти дворянства. Однако время показало, что публичная казнь не обеспечивает цели удержания других лиц от совершения преступлений, особенно в случаях, когда само преступление является уникальным и неповторимым, а наоборот, вызывает сочувствие со стороны граждан, что привело к формированию идеи о том, что наказывать преступника необходимо не жестокостью, которая порождает у толпы ощущение несправедливости и беззакония, а рациональным наказанием, которое могло бы воздействовать не на тело, а на душу, т. е. наказывать менее строго, но для того чтобы наказывать более равно, универсально и неизбежно. Воздействие на душу может осуществляться, например, с помощью одного из так называемых М. Фуко правил наказания – правила достаточной идеальности, суть которого заключается в преломлении учения о чувственном познании в правовую сферу в контексте выдвигаемого М. Фуко предположения о том, что новая система принципов отдает предпочтение не телу, а душе преступника. Так, известно, что чувственное познание включает в себя три формы: ощущение, восприятие и представление. Ощущение как первичная форма познания позволяет отразить отдельные свойства явлений объективной реальности, воздействующей на органы чувств, разрозненность которых уточняется впоследствии при непосредственном восприятии свойств, в то время как представление предполагает воссоздание образа явления объективной реальности, не воспринимаемого в данный момент, но зафиксированного ранее. На наш взгляд, информация, получаемая лицом, совершившим преступление, в процессе реализации наказания, включает в себя все три уровня познания, в связи с чем следует согласиться с М. Фуко, который полагает, что эффективность предупредительного воздействия наказания обеспечивается воспоминанием о переживании боли: боль, составляющая сердцевину наказания, – не столько действительное ощущение боли, сколько идея боли, неудовольствия, неудобства, – боль от идеи боли. Наказание должно использовать не тело, а представление [9, с. 137]. Идея М. Фуко может быть претворена в жизнь только в том случае, если выгода от совершения преступления будет нивелироваться законодательно закрепленными неблагоприятными последствиями, учитывающими цели и мотивы, побуждающие лицо нарушить правовую норму (например, совершение корыстных преступлений будет влечь за собой конфискацию всего или части имущества, внушительный штраф); если само наказание будет внушать страх еще до возможности его применения. Однако М. Фуко полагает, что наказание должно применяться не как представление в чистом виде, а как обдуманное манипулирование сознанием индивида.

Дальнейшая гуманизация наказания с отказом от жестоких телесных наказаний была обусловлена развитием уровня правосознания современного общества и сопровождалась становлением и развитием антропологической, а затем социологической школ. Н. Кристи обоснованно полагает, что причина подобных изменений заключается в «повышении общественной гигиены, улучшении медицинского обслуживания... вероятно, для искупления того же самого преступления можно причинить несколько меньше боли. Когда увеличивается ценность человеческой жизни, мы реже платим жизнью за то же самое преступление» [5, с. 130]. Так, если признание деяния преступным или непроступным зависит от общества, отражая преобладающие в нем ценности, рассуждает Н. Кристи, то и наказание должно зависеть от того же общества, ведь боль причиняется не в интересах страдающего, а в интересах других людей. Законодательное регулирование причинения боли направлено на урегулирование конфликта между интересами сторон по поводу «разумной» цены боли. Однако никто не может определить точную меру боли путем установления шкалы ценностей, варьируя число ударов, наносимых преступнику, либо число отнимаемых у него месяцев или лет, ведь цена наказания постоянно изменяется с развитием самого общества и ее постоянно нужно будет пересматривать. Следовательно, если суровость санкции зависит от общества, то пусть она лучше будет мягкой.

В рамках антропологического течения Ч. Ломброзо утверждал, что преступник – больной человек. Э. Ферри в развитие идей социологического направления внес вклад путем разработки и введения в научный обиход теории социальной защиты и опасного состояния личности. Ф. фон Лист полагал, что тяжесть наказания зависит не только от вреда, причиненного преступ-

лением, но и от личности преступника, глубины его виновности и обстоятельств, детерминирующих совершение преступления.

Уголовно-правовые школы получили свое дальнейшее развитие в рамках новых течений с учетом особенностей общественных отношений, в которых формировались. Так, теория социальной защиты получила свое развитие как теория новой социальной защиты М. Анселя, который предложил двухколейную систему мер уголовно-правового воздействия, когда наряду с наказанием применялись бы меры социальной защиты.

В настоящее время целями применения наказания и иных мер уголовной ответственности являются исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений.

Отдельно следует отметить, что с развитием уголовно-правовой мысли от наказания как меры воздействия постепенно отделяется санкция как мерно выраженное последствие совершения деяния, порицаемого обществом как преступное, и как содержащая в себе разнообразные виды наказания. В литературе дореволюционного периода отсутствуют существенные различия между понятиями «санкция» и «наказание». Однако с развитием правовой мысли уже в работах Н. С. Таганцева и последующих работах иных ученых наблюдается разделение обозначенных выше понятий [8, с. 158], что, на наш взгляд, является правильным. Следует согласиться с позицией И. Я. Козаченко, который полагает, что санкция является правовой формой выражения уголовной ответственности и правовой мерой уголовного наказания, предусмотренного за соответствующее преступление, своеобразным связующим звеном между уголовной ответственностью и уголовным наказанием как юридической конструкцией, закрепляющей типовую меру уголовного наказания [4, с. 7, 74]. Кроме того, различать обозначенные выше понятия необходимо и потому, что наказание является мерой уголовно-правового воздействия, определяемой судом после установления вины лица, совершившего преступление, в то время как санкция представляет собой элемент конструкции правовой нормы наряду с гипотезой и диспозицией и определяется законодателем при формировании правовой нормы. Так, мы видим, что наказание приравнивалось к санкции в бесписьменных обществах и только с возникновением и последующим развитием науки уголовного права в XIX в. произошло разделение обозначенных выше понятий.

Принимая во внимание то, что именно посредством системы санкций реализуется система наказаний, а также что обозначенные системы находятся в тесном взаимодействии, гармонично дополняя друг друга, условно можно переложить динамические процессы изменений системы наказаний на систему санкций. Подобное допущение позволит сделать вывод о том, что с момента появления писаного права санкции носили компенсационный характер, однако с усилением власти духовенства из конструкции санкции стали исчезать штрафные меры, на смену которым пришли жестокие, калечащие тело наказания и смертная казнь, сопровождавшаяся мучительными пытками. И только к концу XVIII в. телесные наказания стали реже встречаться в конструкции санкции, заменяясь лишением свободы. Система санкций в современном ее понимании отсутствовала. Санкции не были согласованы между собой и обеспечивали сословное применение отдельных видов наказания (например, телесные наказания к представителям духовенства не применялись). Следует согласиться с Н. Кристи, который утверждает, что для того, «чтобы обеспечить это равенство, меры наказания должны быть определены заранее в соответствии с тяжестью деяний, а не в соответствии с социальным положением виновного или по усмотрению судьи» [5, с. 23]. В ряде случаев санкции не были определены, что значительно затрудняло выбор вида и размера наказания.

В настоящее время, хотя и менее выражено, сохранились некоторые недостатки законодательской техники, например применение к самому строгому основному виду наказания дополнительного, что влечет за собой усиление этого наказания; отступление от подхода устанавливать сходные по строгости наказания за преступления, посягающие на объекты уголовно-правовой охраны разной ценности. Одной из проблем является также несоблюдение законодательно закрепленной категоризации преступлений, определяющей границы наказания в виде лишения свободы в зависимости от тяжести конкретного преступления. Это приводит к размытости границ санкций статей Особенной части УК и соответствию содержащегося в санкции наказания в виде лишения свободы более чем одной категории преступлений (например, санкция ст. 230 УК «наказывается лишением свободы на срок до семи лет» объединяет три категории). Ведь санкция статьи Особен-

ной части УК является основной для определения общественной опасности совершенного преступления, а мера справедливого наказания за совершенное преступление не может быть назначена без определения его общественной опасности и места в системе охраняемых уголовным законом ценностей, однако это является самостоятельным предметом исследования.

Таким образом, основой для решения проблемы отсутствия системности уголовно-правовых санкций, уменьшения разрывов между верхними и нижними пределами наказаний, а также для обеспечения соответствия содержащегося в санкции уголовно-правовой нормы наказания одной категории преступления необходимо оптимизировать систему наказаний путем уменьшения их количества.

Список использованных источников

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; пер. с фр. А. Хрущов. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1806. – 200 с.
2. Василевич, Г. А. Оптимизация мер уголовной ответственности – важнейший фактор влияния на криминогенную ситуацию / Г. А. Василевич // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 3–8.
3. Иванов, Н. Г. Уголовно-правовые направления (школы) как фундамент уголовного права и закона / Н. Г. Иванов // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / Сарат. гос. юрид. акад. ; под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2013. – С. 84–107.
4. Козаченко, И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды / И. Я. Козаченко ; под ред. М. И. Ковалева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 232 с.
5. Кристи, Н. Пределы наказания / Н. Кристи ; пер. с англ. В. М. Когана ; под ред. А. М. Яковлева. – М. : Прогресс, 1985. – 176 с.
6. Ролз, Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / Дж. Ролз ; науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
7. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе [Электронный ресурс] : очерки и лекции : пер. с англ. / А. Р. Рэдклифф-Браун. – М. : Вост. лит., 2001. – 304 с. – Режим доступа: http://dmeti.dp.ua/file/radklif_braun_cору.pdf. – Дата доступа: 12.10.2021.
8. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – 2-е изд. – СПб. : Гос. тип., 1902. – Т. 1. – 815 с.
9. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Электронный ресурс] / М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/gu/record/01000640585>. – Дата доступа: 03.10.2021.
10. Хомич, В. М. О концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка их применения / В. М. Хомич // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 3–11.
11. Хомич, В. М. Оптимизация уголовной ответственности и совершенствование системы видов наказаний / В. М. Хомич // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 31–34.
12. Шабаль, В. С. О системе наказаний в Республике Беларусь / В. С. Шабаль // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – № 1. – 2020. – С. 168–172.

Дата поступления в редакцию: 01.11.2021

УДК 343.541

В. В. Стальбовский, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
e-mail: vudiksvv@gmail.com

О ВОЗРАСТЕ ПОЛОВОГО СОГЛАСИЯ

Анализируется мировая практика интерпретации дефиниции «возраст полового согласия», ее практическая и теоретическая реализация. Исследуются проблемные аспекты совершенствования и разви-